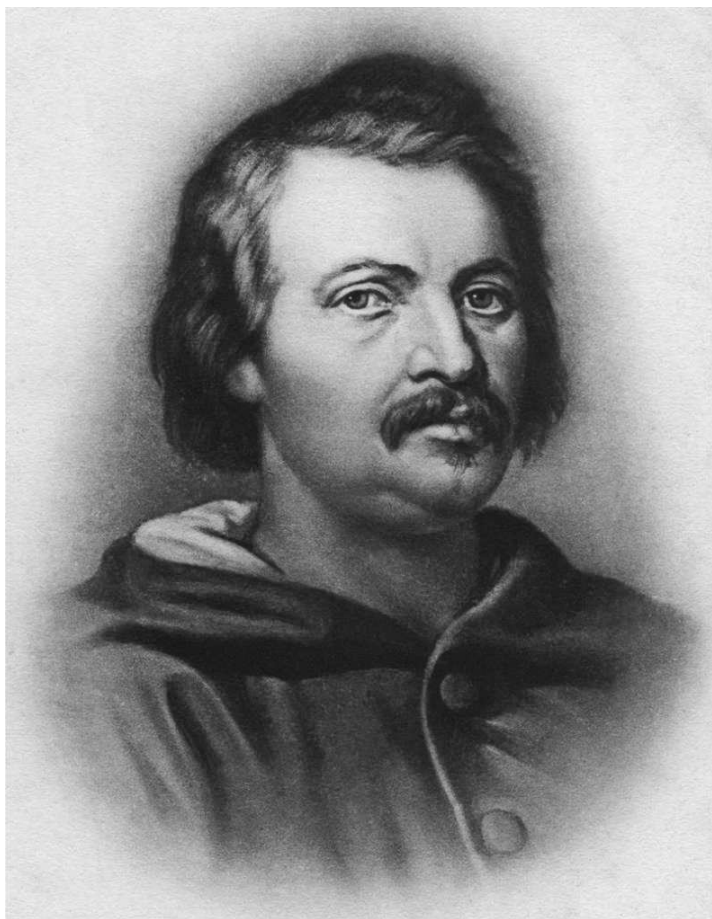

ЛЕГЕНДАРНЫЕ КНИГИ ЛИТАГЕНТСТВА ФТМ

КЛАССИКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ОНОРЕ ДЕ БАЛЬЗАК

1799-1850

Оноре де Бальзак

**Тридцатилетняя
женщина**

ФТМ

УДК 82/821
ББК 84(0)
Б21

Перевод с французского А. А. Худадовой

Бальзак, О.

Б21 Тридцатилетняя женщина / О. Бальзак; [пер. с франц. А. А. Худадовой]. – М. : T8RUGRAM / Агентство ФТМ. – 266 с. – (Легендарные книги литагентства ФТМ).

ISBN 978-5-519-61246-3

... В жанровых картинках из жизни парижского общества — «Этюд о женщинах», «Тридцатилетняя женщина», «Супружеское согласие» — он создаёт совершенно новый тип непонятой женщины, которую супружество разочаровывает во всех её ожиданиях и мечтах, которая, как от тайного недуга, тает от безразличия и холодности мужа... и Так как во Франции, да и на всём белом свете, тысячи, десятки тысяч, сотни тысяч женщин чувствуют себя непонятыми и разочарованными, они обретают в Бальзаке врача, который первый дал имя их недугу. Он извиняет любой их неверный шаг, если только шаг этот совершён из любви, он решается сказать, что не только «тридцатилетняя женщина», но и «сорокалетняя женщина», и даже именно она, всё познавшая и всё постигшая, имеет высшее право на любовь.

Стефан Цвейг

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821
ББК 84(0)
ВІС FC
BISAC FIC000000

© T8RUGRAM, 2018
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.»,
2018
© Перевод. А.А. Худадова,
наследники, 2018

ISBN 978-5-519-61246-3

Посвящается Луи
Буланже, художнику.

I. Первые ошибки

В начале апреля 1813 года выдалось воскресное утро, сулившее чудесный день. В такой день парижане впервые после зимней непогоды видят сухие мостовые и безоблачное небо. Около полудня изящный кабриолет, запряжённый парой резвых лошадей, свернул с улицы Кастильоне на улицу Риволи и остановился за вереницей экипажей, у решётки, недавно возведённой возле площадки Фельянов. Правил этой лёгонькой коляской человек, лицо которого носило печать забот и недуга; проседь в волосах, уже редких на темени, отливавшем желтизною, раньше времени старила его; он бросил повод верховому лакею, сопровождавшему коляску, и сошёл, чтобы помочь спуститься прехорошенькой девушке, которая сразу привлекла внимание праздных зрителей. Девушка, ступив на край коляски, обвила руками шею своего спутника, и он перенёс её на тротуар так бережно, что даже не помял отделку на её зелёном репсовом платье. Влюбленный и тот не проявил бы такой заботливости. Незнакомец, очевидно, был отцом девушки; не поблагодарив, она непринуждённо взяла его под руку и порывисто повлекла в сад. Старик заметил, с каким восхищением смотрят молодые люди на его дочь, и грусть, омрачавшая его лицо, на миг исчезла. Он улыбнулся, хотя уже давно вступил в тот возраст, когда приходится довольствоваться одними лишь призрачными радостями, доставляемыми тщеславием.

— Все думают, что ты моя жена, — шепнул он на ухо девушке и, выпрямившись, зашагал ещё медленнее, что привело её в отчаяние.

Он, видимо, гордился своей дочкой, и его, пожалуй, даже более, чем её, тешили взоры мужчин, скользившие украдкой по её ножкам в тёмно-коричневых прюнелевых туфельках, по хрупкой фигурке, которую облегалo изящное платье с вставкой, и по свежей шейке, выступавшей из вышитого воротничка. Поступь девушки была стремительна, оборки её платья то и дело взлетали, на миг показывая округлую линию точёной ноги в ажурном шёлковом чулке. И не один фронт обогнал эту чету, чтобы полюбоваться девушкой, чтобы ещё раз взглянуть на юное личико в рамке разметавшихся тёмных кудрей; оно казалось ещё белее, ещё румянее в отсветах розового атласа, которым был подбит её модный капор, а отчасти и от того страстного нетерпения, которым дышали все черты прелестного лица. Милое лукавство оживляло прекрасные чёрные глаза её — глаза с миндалевидным разрезом и красиво изогнутыми бровями, осенённые длинными ресницами и блестящие влажным блеском. Жизнь и молодость выставляли напоказ свои сокровища, будто воплощённые в этом своенравном личике и в этом стане, таком стройном, несмотря на пояс, повязанный по тогдашней моде под самой грудью. Девушка, не обращая внимания на поклонников, с какой-то тревогой смотрела на дворец Тюильри, — разумеется, к нему то и влекло её так неудержимо. Было без четверти двенадцать. Час был ранний, но множество женщин,

стремившихся ослепить всех своими нарядами, уже возвращались от дворца, то и дело оборачиваясь с недовольным видом, точно они раскаивались, что опоздали, что не удастся им насладиться зрелищем, которое так хотелось видеть. Прекрасная незнакомка подхватила на лету несколько замечаний, с досадою оброненных разряженными дамами, и они почему-то очень взволновали её. Старик следил скорее проницательным, нежели насмешливым взглядом за тем, как выражение страха и нетерпения сменяется на милом личике его дочери, и, пожалуй, даже чересчур пристально наблюдал за нею: в этом сквозила затаённая отцовская тревога.

То было тринадцатое воскресенье в 1813 году. Через день Наполеон отправлялся в тот роковой поход, во время которого ему суждено было потерять Бесьера, а за ним — Дюрока, выиграть достопамятные битвы при Люцене и Бауцене, увидеть, что его предали Австрия, Саксония, Бавария, Бернадот, и упорно защищаться в жестоком сражении под Лейпцигом. Блестящему параду под командованием императора суждено было стать последним в череде парадов, так долго приводивших в восхищение парижан и чужеземцев. Старая гвардия в последний раз собиралась показать искусство маневров, великолепие и точность которых иной раз изумляли даже самого исполина, готовившегося в те дни к поединку с Европой. Нарядную и любопытную толпу привлекало в Тюильри грустное чувство. Каждый словно предугадывал будущее и, быть может, предвидел, что не раз воображение воспроизведёт в памяти всю эту картину, когда героические времена

Франции приобретут, как это случилось ныне, почти легендарный оттенок.

— Ну, пойдёмте же скорее, папенька! — бойко говорила девушка, увлекая за собой старика. — Слышите: бьют в барабаны.

— Войска входят в Тюильри, — отвечал он.

— Или уже прошли церемониальным маршем!.. Все уже возвращаются! — промолвила она тоном обиженного ребёнка, и старик улыбнулся.

— Парад начнётся лишь в половине первого, — заметил он, еле поспевая за неугомонной дочкой.

Если бы вы видели, как девушка взмахивала правой рукой, то сказали бы, что она помогает себе бежать. Её маленькая ручка, затянутая в перчатку, нетерпеливо комкала носовой платок и напоминала весло, рассекающее волны. Старик порою улыбался, но иногда его измождённое лицо становилось хмурым и озабоченным. Из любви к этому прекрасному созданию он не только радовался настоящему, но и страшился будущего. Он словно говорил себе: «Нынче она счастлива, будет ли она счастлива всегда?» Старики вообще склонны награждать своими горестями будущее людей молодых. Отец и дочка вошли под перистиль павильона, по которому снуют гуляющие, проходя из Тюильрийского сада на площадь Карусели, и здесь, у павильона, в тот час украшенного развевавшимся трёхцветным флагом, они услышали суровый окрик часовых:

— Проход закрыт!

Девушка поднялась на цыпочки, и ей удалось мельком увидеть лишь толпу нарядных женщин, располо-